

«Мягкая сила» и деструктивные технологии влияния в информационном обществе

ЛЕОНОВА Ольга Георгиевна

Доктор политических наук, доцент; профессор кафедры глобалистики, факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Ускорение процессов глобализации привело к технологизации политической деятельности на локальном и глобальном уровнях. В технологизации политической деятельности заметное место занимают деструктивные технологии «мягкой силы». Данные технологии есть совокупность приемов, способов и процедур, необходимых для реализации властных функций мировых политических акторов на глобальном уровне, направленных на повышение эффективности их влияния и управления политическим процессом в стране или регионе в целях достижения национальных интересов и желаемых результатов в сфере международных отношений. Они проявляют себя как технологии управления политическими процессами на глобальном уровне и способствуют реализации власти и интересов глобальных политических лидеров.

Ключевые слова:

«Мягкая сила», глобализация, технологизация политической деятельности, технологии политического влияния, деструктивные технологии.

Технология, если обобщить различные определения, встречающиеся в словарях и энциклопедиях, — это совокупность приемов, производственных методов и процессов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы, т.е. средство преобразования исходных материалов для получения желаемых результатов путем использования наиболее эффективных процессов, требующих наименьших затрат времени и ресурсов. Исходным материалом для применения технологии может быть не только сырье или другие физические объекты, но и политическая ситуация, экономика страны, информация, сознание людей и т.п. Важно подчеркнуть, что технология, независимо от исходного материала, это отлаженный *алгоритмический и автоматический процесс*, стремящийся к наибольшей своей эффективности и применяемый для оптимизации каких-либо действий.

В различных существующих определениях технологий присутствуют те или иные значимые черты, которые вполне можно спроецировать и на политику. Среди них следует отметить следующие: оптимизация деятельности; совокупность приемов, инструментов и процедур; алгоритмизация деятельности, которая происходит по определенной схеме или шаблону; последовательность и совокупность операций, которые можно повторять в схожих ситуациях при решении однотипных задач; направленность процесса во времени и пространстве.

Сегодня при переходе к глобальной политической системе и ускорении процессов глобализации стало возможным говорить о *технологизации политической деятельности* как на локальном (местном) или региональном, так и на глобальном уровне.

В настоящее время в технологизации политической деятельности заметное место занимают технологии «мягкой силы» как технологии влияния на внутренние и внешние политические процессы.

Факторы влияния «мягкой силы» были сформулированы Дж. Наем и включают в себя три базовых ресурсов государства: его культуру, политические ценности и внешнюю политику [7:11].

Мы предлагаем рассматривать концепт «мягкой силы» более широко, а именно, как «совокупность гуманитарных ресурсов страны (государства), которые можно реализовать при помощи определенных технологий» [3: 88].

Данные гуманитарные ресурсы страны являются ресурсами её влияния в глобальном мире, посредством которого она может участвовать в процессе глобального управления, защищать и продвигать свои национальные интересы.

В данном контексте «мягкая сила» выступает как внешнеполитический ресурс и специфический инструмент латентного управления международными процессами, который актуализируется именно в эпоху глобализации.

«Мягкую силу» можно считать продуктом эпохи глобализации, по крайней мере, именно тогда, когда процессы глобализации стали проявляться наиболее зримо, о ней заговорили как о некоем феномене управления политическими процессами через влияние на них.

Технологии «мягкой силы» — это совокупность приемов, способов и процедур, необходимых для реализации властных функций мировых политических акторов на глобальном уровне, направленных на повышение эффективности их влияния и управления политическим процессом в стране или регионе (совокупности стран — объектах их применения) в целях достижения национальных интересов и желаемых результатов в сфере международных отношений.

Эти технологии «мягкой силы» с точки зрения уровня их применения можно назвать глобальными, во-первых, в силу того, что они порождаются и становятся актуальными именно в эпоху глобализации, которая характеризуется обострением конкуренции за обладание ресурсами или контроль за ними. Во-вторых, эти технологии «мягкой силы» имеют глобальный характер, т.к. являются всеохватывающими, позволяющими влиять и управлять как экономическими, так и политическими или социокультурными процессами на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Таким образом, *глобальные политические технологии* — это технологии, возникающие в эпоху глобализации как средство реализации функций «мягкой силы» и интересов глобальных политических акторов, эту силу использующих.

Данные технологии «мягкой силы» есть продукт глобальных политических процессов. Они проявляют себя как технологии управления политическими процессами на глобальном уровне и способствуют реализации власти и *интересов* глобальных политических лидеров.

В условиях глобализации и высокой конкуренции глобальных акторов продвижение своих национальных интересов, особенно геополитических, подразумевает весьма динамичную и даже агрессивную политику, которая требует использования широко спектра технологий «мягкой силы», в том числе и деструктивного характера.

К таким деструктивным технологиям влияния и управления, которые сегодня принято относить к «мягкой силе» относятся: технологии «цветных

революций», демонтаж полиэтнического государства, технологии искусственного усиления неконкурентоспособности экономики данной страны, в том числе посредством «подсказки» её ложных стратегий развития; «технология кондиций»; инициирование и управление миграционными потоками; технология разрушения и создания новых социальных объектов и реальности, контролирование маршрутов наркотрафика, информационная война, кибервойна и др.

Рассмотрим некоторые из них.

Одна из деструктивных технологий «мягкой силы» нацелена на **усиление неконкурентоспособности экономики данной страны**. Эта страна может являться либо геополитическим конкурентом, либо обладать значимыми для глобального лидера стратегическими ресурсами, а потому её надо ослабить настолько, чтобы она стала от него зависима. Данная цель — усилить неконкурентоспособность страны на глобальном рынке решается методами верного распространения информации, которые показали свою эффективность. Как правило, источник такой информации позиционируется заинтересованными субъектами как особенно авторитетный и имеющий экспертный статус.

Во-первых, в сети запускается дезинформация о реальном состоянии дел в её экономике и перспективах глобального рынка.

Во-вторых, в свободном доступе появляется «первоисточник», где содержится *«подсказка» данной стране ложной стратегии развития и предписаны «рецепты её экономического выздоровления», которые заведомо неэффективны.*

В-третьих, ослабленной в экономическом отношении стране предлагаются внешние займы при условии проведения предписанных ей экономических реформ и следовании «прописанных» ранее «рецептов» выхода из кризиса. Эти займы тяжелым бременем ложатся на экономику страны, еще более её ослабляют и ставят в зависимое положение от заимодавца. Все это создает благоприятные условия для захвата внешнего контроля над экономикой этой страны и последующего захвата её стратегических ресурсов, в первую очередь энергетических и сырьевых богатств.

Весь этот процесс напоминает алгоритм, где все шаги взаимосвязаны и каждый из них логично предопределяет последующий, что свидетельствует о наличии специальной технологии «мягкой силы».

Так в 2013 г. в США вышла весьма интересная книга двух известных ученых — специалистов по изучению современной России Клиффорда Гэдди и Барри Икеса [6], которая очень быстро была выложена в интернет. Анализируя состояние и проблемы российской экономики, авторы высказали ряд неоднозначных идей и предложили своеобразные рецепты её выздоровления.

Среди ошибок развития российской экономики они отмечают: постановку задачи «наращивания любых инвестиций» [6:11]; вложения в территории, где развитие постоянной экономической деятельности выглядит иррациональным [6:15, 6:28] или поддержание их существования; сохранение занятости [6:71], т.к. это уменьшает мобильность людей; излишнее финансирование поддерживающих элементов производственной базы [6: 30–31]; строительство дорог к производственной базе [6:54]. По их мнению, это закрепляет исторически неверную производственную ориентацию.

В итоге авторы считают невозможной модернизацию России, более того, считают её бессмысленной. “They are doomed to fail” — пишут они [6:34].

Они предлагают для экономии ресурсов закрывать некоторые предприятия, отказаться от их строительства или инвестирования в некоторых регионах, например таких, как Новосибирск или Пермь [6:13, 6:57]. Они утверждают, что недоинвестирование приведет к оздоровлению существующего положения (“Under-investment could, in fact, be a healthy phenomenon”) [6:8]. К проектам развития сибирского региона авторы относятся отрицательно, выразительно называя данные проекты “Siberian industrial utopia.” [6:62].

Судя по содержанию книги, главным рецептом для России они считают *продолжение реализации стратегии «Великой энергетической державы»* [6:95] и призывают сосредоточиться на том, чтобы стать эффективной энергетической сверхдержавой. Они советуют нарастить объемы добычи энергоносителей; не отказываться от своей «нефтяной специализации», т.е. не отходить от нефтяной направленности экономики [6:23] и смириться с ресурсной зависимостью, расценивая это как конкурентное преимущество [6:98]. “With the oil and gas companies in the lead for modernization, Russia would become a genuine energy superpower, an “energy superpower in depth.” — пишут они [6:119].

«Технология кондиций» применяется при стремлении страны интегрироваться в глобальные политические, военные или экономические структуры, например, ЕС, НАТО или ВТО.

Страна, которая желает вступить в данные или подобные им структуры, должна выполнить ряд достаточно жестких требований и условий (conditions), которые для нее заведомо трудны и невыгодны. Данные «кондиции» могут включать в себя требования ускорения и углубления демократических реформ, приватизации национальных компаний, промышленных предприятий и сырьевой базы государства, передачу контрольных пакетов акций транснациональным корпорациям. Выполнение этих требований страной-претендентом на вступление в данную наднациональную структуру открывает её экономику и создает условия для доступа ТНК к её национальным ресурсам.

Например, *технология «кондиций» действует, если та или иная страна хочет вступить в НАТО.*

Как известно, есть несколько главных условий вступления в Североатлантический альянс.

1. Развитие демократических институций. Приверженность к демократическим правилам и нормам, к демократическим принципам и процедурам в целях соответствия «общей демократической идентичности».
2. Верховенство закона, принятие общих норм и ценностей как показателей «единомыслия», что необходимо для создания «духовного единства» и «цивилизационного подобию», а также «ассимиляции» новых членов.
3. Трансформация оборонного сектора в соответствии с определенными военно-техническими стандартами для формирования военной оперативной совместимости войск НАТО и страны-кандидата. Трансформация и реформирование системы обороны, планирования,

программирования и бюджетирования в целях имитации моделей стран НАТО.

4. Разрешение территориальных споров.

Так Грузия, объявившая своей стратегической целью вступление в НАТО, должна по требованию Альянса предпринять глубокие системные и институциональные реформы, которые представляют собой ключевые области, в соответствии с его принятыми стандартами, нормами и ценностями. Кроме того, Консультативный совет по международной безопасности (КСМБ) потребовал от Грузии уменьшить действительную мощь вооруженных сил, что, правда, не было выполнено.

Страны-кандидаты должны внедрять у себя стандарты, нормы и процедуры, режим поведения, наложенный на страну предварительными критериями для членства в НАТО. Все это требует больших затрат, как для государственного управления, так и для государства в целом, проистекающих из условий сотрудничества данной страны с НАТО. Эти затраты могут превысить ожидаемые дивиденды от вступления в Альянс.

Условия сотрудничества и модель предъявляемых требований могут стать причиной для изменения политической идентичности и государственной политики страны-соискателя, иногда даже в ущерб её национальным интересам.

Следование всем выдвигаемым условиям вступления в Альянс, развитие механизмов контроля за выполнением принятых обязательств, обеспечение большей прозрачности проведения реформ может означать предоставление большей степени контроля за формированием политики и бюджета, а значит, и большей власти внешним акторам.

В целом требования, предъявляемые НАТО для стран-соискателей, представляют собой систему «кнутов» и «пряников», при этом награды и стимулы не всегда соответствуют той цене «внутреннего соответствия», которую приходится платить стране при вступлении в Альянс.

Сегодня уже можно подвести предварительные итоги процесса подготовки Грузии к вступлению в НАТО.

Процесс интеграции Грузии в НАТО и выполнение условий вступления не гарантировали повышение безопасности, и страна пока еще не получила новой военной техники или сколь-нибудь существенного военного оборудования. Однако постепенно, хотя и непросто идет развитие оперативной совместности с войсками НАТО, правда пока в виде «улучшения военной координации» с Альянсом. Кроме того, получен важный «боевой опыт» участия в военной операции в Афганистане [2].

Интересен *пример Румынии*. Для вступления в НАТО Румынии, одной из самых слабых в экономическом отношении стран Европы, пришлось выполнить ряд тяжелых для её бюджета и международной репутации условий. Страна слишком хотела вступить в НАТО, поэтому была согласна на ряд мероприятий, которые заметно отразилось на её внутренней и внешней политике. Проводимые в Румынии реформы наглядно демонстрировали вмешательство Запада во внутренние дела страны, а содержание и новые векторы внешней политики имели характерные черты вассальной зависимости. Так, Румыния выразила готовность участвовать вместе с НАТО «в решении косовского конфликта», она поддержала бомбардировки Югославии, предоставила свое побережье Черного

моря для дислокации американских военных баз, разместила у себя секретные тюрьмы ЦРУ и обслуживающий их определенный штат американских спецслужб. Таким образом, Румыния пыталась всячески доказать свою лояльность НАТО и США даже в ущерб своим национальным интересам и суверенитету [1].

Другой пример использования данной технологии — это *многосторонние партнерские программы НАТО*, которые весьма популярны, особенно у развивающихся стран.

Сегодня есть ряд государств (Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония), которые имеют статус «глобальных партнеров» НАТО, другие страны официально считаются «наиболее ценными партнерами» НАТО (Австрия, Грузия, Иордания, Катар, Марокко, ОАЭ, Швеция и Финляндия), третьи именуются «важными ненаатовскими союзниками» США (Аргентина, Пакистан, Таиланд, Филиппины).

Этот почетный статус обязывает их вносить свой и весьма весомый вклад в операции Североатлантического альянса и активно поддерживать его миссии в разных частях света и его деятельность по различным аспектам безопасности, участвовать в натовских операциях. Например, Австралия, Япония, Бахрейн, Новая Зеландия, Сингапур и Южная Корея активно участвовали в афганской операции, оказывали логистическую и иную поддержку натовской коалиции. Регулярно участвуют в миротворческих операциях НАТО военно-служащие Таиланда и Филиппин. Пакистан долгое время был лидером среди союзников НАТО по количеству персонала, направляемого в состав международных миротворческих миссий.

При поддержке и помощи этих стран НАТО реализует свои геостратегические цели, может выстраивать баланс сил в отношении явных и потенциальных противников, охотно использует их финансовые возможности (монархии Персидского залива), их военные контингенты и базы, прокладывает транзитные маршруты через их территорию и воздушное пространство и т.д., однако при этом без предоставления им гарантий безопасности или статуса члена. Активное участие этих стран и военные расходы, которые они несут, иногда в ущерб своим небогатым бюджетам, зачастую поощряются всего лишь упрощенным режимом поставок американской военной техники и вооружений [4].

Показателен и *пример Сербии, которая собирается вступить в ЕС*.

Первого сентября 2013 года вступило в силу соглашение об ассоциации между Европейским сообществом и Республикой Сербия. Получение статуса кандидата произошло одновременно с расширением ранее секторального сотрудничества Сербии с ЕС до полномасштабного уровня и включает всю совокупность различных принципов, правил и норм ЕС. Это также подразумевает широкое и не всегда взаимовыгодное (для Сербии) сотрудничество в области торговли, энергетики, инвестиций, в области внешней политики, национальной безопасности и т.д. Так среди условий вступления Сербии в ЕС было выдвинуто два достаточно болезненных для национального сознания сербов. Это, во-первых, выдача так называемых «военных преступников», которые, как полагают в ЕС, виноваты в развязывании гражданской войны в 90-х годах XX века (но многие в Сербии считают их национальными героями), и во-вторых, официальное признание и налаживание отношений с Косово. Оба эти условия, на которые Сербии пришлось согласиться, были достаточно унижительны для этой страны.

Кроме того, вступление Сербии в ЕС, как считают многие эксперты, логично повлечет за собой вступление и в НАТО, со всеми экономическими и политическими издержками этого процесса.

Однако анализ её внешней политики явно противоречит этому намерению. Так, после введения санкций Евросоюзом против России Сербия не только не поддержала их, но увеличила товарооборот с Россией, заменив ряд европейских продуктов своими. Возможной стратегией политики Сербии в ближайшее время, которая понимает всю неоднозначность последствий членства в ЕС и НАТО, будет лавирование между европейскими державами, США и Россией с целью минимизации собственных затрат и максимизации выгоды от этого сотрудничества.

Ярким примером использования **технологии кондиций** является *процедура вступления в ВТО*, на долю которой приходится около 90% мировой торговли. Но условия вступления в эту организацию достаточно жесткие. При вступлении в ВТО есть специальный перечень уступок и обязательств по товарам, перечень специфических обязательств по торговле услугами.

Среди условий вступления в ВТО есть ряд обязательств, которые могут существенно ущемить национальные интересы страны, например, облегченный доступ зарубежных компаний к ряду важных сфер экономики (банковские услуги, страхование, туризм, транспорт, телекоммуникации, торговля и др.). Эти условия также предусматривают не только снижение таможенных тарифов, но и запрет государству субсидировать экспорт и обеспечивать замещение импорта. Негативное влияние на экономику вступающей в ВТО страны может оказать требование отмены льгот по НДС для отечественных сельхозпроизводителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, а также тарифных льгот в ряде приоритетных отраслей промышленности. Особенно болезненно это требование для автомобильной промышленности страны, поскольку в данной отрасли имеется особо острая конкуренция на мировом рынке.

В результате возникают условия для демпингового импорта, искусственно создается ряд приоритетов для иностранных поставщиков товаров и услуг, что наносит ущерб отечественной экономике.

Но многие страны согласны на эти достаточно жесткие условия, поскольку полагают, что положительный эффект от членства во Всемирной торговой организации превысит отрицательные последствия. Однако эти надежды не всегда сбываются.

Так Кыргызстан поспешно вошел в ВТО в 1998 г., не просчитав возможные результаты для своей слабой экономики, и безоговорочно принял все условия этой организации. В итоге отечественные производители пострадали и потеряли свои позиции на внутреннем рынке, а результаты членства страны в ВТО далеко не однозначны. В Казахстане также продолжаются дискуссии по поводу целесообразности вступления этой страны в ВТО в 2015 г.

В последнее время все более отчетливо проявляет себя технология, которую можно назвать **«инициирование и управление миграционными потоками»**. Данная цель — организация старта и последующее управление миграционными потоками реализуется посредством вирусного распространения информации среди потенциальных беженцев.

Следует вспомнить, что война в Иране началась в 2003 г., уже несколько лет идет война в Сирии и Ливии. Два года существовал лагерь для беженцев из Сирии на территории Турции в провинции Мардин. Там всегда были посредники или контрабандисты, которые предлагали измученным людям переправить их морем в Грецию, из которой можно попасть в другие европейские страны, но цена, которую они обычно за это просили — 10 тыс. долларов, была явно не по карману беженцам, потерявшим в войну все свое имущество. Однако летом 2015 г. в этом и других лагерях и в других странах люди словно «встрепенулись» и внезапно широкими потоками устремились в Европу.

Разумеется, кто-то должен был инициировать и оплатить эту масштабную перевозку людей (т.к. маловероятно, что у всех этих сотен тысяч беженцев, лишенных своего имущества, нашлись требуемые тысячи долларов для оплаты их переезда через море). Вся эта ситуация напоминала «отмашку», которая дала старт неконтролируемым миграционным потокам в Европейский союз, когда сотни тысяч мигрантов одновременно вдруг снялись с места в своих лагерях для беженцев и непрерывной чередой хлынули на континент.

Создается впечатление, что это была хорошо продуманная и успешно реализованная *политическая технология инициирования, управления и маршрутизации миграционных потоков*.

Это могло быть составной частью стратегии управляемого хаоса, целью которого является дестабилизация экономической, политической и социальной ситуации в европейском регионе. Во-первых, серьезные расходы, которые уже несут европейские страны, прежде всего Германия, Швеция, Австрия и другие, могут ослабить их экономику, состояние которой и так достаточно нестабильно после двух мировых финансовых и экономических кризисов. Бремя социальных расходов на мигрантов может привести к инфляции, если для покрытия расходов в ЕС включат печатный станок, что неизбежно приведет к падению курса, обесцениванию евро и углублению кризиса еврозоны.

Во-вторых, ухудшение экономической ситуации будет иметь следствием нарастание политической нестабильности, а споры по поводу квот приема мигрантов приведут к росту напряженности в отношениях между принимающими мигрантов странами, закрытию границ и поставит под угрозу само существование шенгенской зоны. Внутри европейских стран растущее недовольство населения и расшатывание политической ситуации может привести к смене правительств и приходу к власти националистических и ультраправых партий.

В-третьих, рост преступности среди мигрантов, ухудшение криминальной обстановки. Конфликты местного населения с приезжими будут нарастать, следствием чего будет нарастание социальной нестабильности в европейских странах.

Ухудшение экономических, политических и социальных параметров, дестабилизация ситуации в регионе и скатывание к хаосу ведет к значительному ослаблению Европейского союза в целом.

Применение технологии управления и маршрутизации миграционных потоков и последующие за этим проблемы будут иметь своим логическим следствием изменение статуса Европейского союза в системе координат глобального мира. Конкуренция за влияние в АТР, Африканском континенте, Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке будет Европейским союзом

проиграна. Попытки вести самостоятельную от США политику будут пресечены, европейские страны послушно позволят сформировать Североатлантический альянс и станут покупать нефть у Соединенных Штатов и даже в ущерб своим национальным интересам.

Таким образом, авторы технологии управления и маршрутизации миграционных потоков как составной части стратегии управляемого хаоса добиваются реализации нескольких своих целей одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. БИТКОВА Т. Г. **Евроатлантический выбор как фактор геополитики: случай Румынии.** / Восточная Европа в современной геополитике. М.: Издательство ИНИОН РАН, 2008. С.129–149
2. ДЗЕБИСАШВИЛИ Ш. **Предъявление условий и соответствие им: шаткие измерения НАТО (случай Грузии)** // Connections. (Консорциум «Партнерство ради мира»). 2014. Том XIII. № 2. С. 1–23
3. ЛЕОНОВА О. Г. **Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке.** // Обозреватель-Observer. 2015. № 2. С. 80–89
4. ПРИХОДЬКО О. В. **Глобализация военно-политической активности Запада.** // Обозреватель-Observer. 2013. № 6. С. 5–22
5. GADDY, CLIFFORD AND ICKES, **Barry. Bear Trapes on Russia's Road to Modernization.** London, N.Y.: Routledge. 2013. 126 с. URL: <http://www.crifes.psu.edu/papers/bearcrifes.pdf> / (дата обращения 12.11.2017)
6. NYE J. **Soft Power: The Means to Success in World Politics.** N.Y.: Public Affairs. 2004. 192 с.